

Валерий Яковлевич Брюсов. Ночное путешествие

Эпизод

- Ты хвалишься напрасно, - сказал мне Дьявол, - я покажу тебе миры, которых вообразить ты не мог бы. Гляди: видишь ты эту звезду а в созвездии Ориона?

Я посмотрел, куда указывал мне длинный и чешуйчатый коготь. Дьявол другой рукой приподымал тяжелую портьеру у окна. Небо казалось черной бездной, разверстой у ног.

- Вокруг этой звезды, - продолжал Дьявол, - вращается сто сорок больших планет, не считая астероидов. Мы с тобою сейчас перенесемся на одну из них, величиною с вашу зеленую землю.

- А сколько времени мы будем в пути? - спросил я насмешливо.

Дьявол посмотрел на меня вдвое насмешливее, жидкая борода его затряслась, и он ответил мне так:

- Конечно, мы летели бы миллионы лет, если бы пожелали пройти через все промежуточные точки между землей и той звездой. Но мы минуем их. Дай мне руку.

В тот день Дьявол был одет в широкий испанский плащ, и лицо у него было, как у оперного Дон-Жуана, но, из странного щегольства, он сохранял мохнатые ладони и крючковатые пальцы, как у духа Тьмы на гравюре Дюрера. Меня передернуло от прикосновения этой шершавой руки. А Дьявол захохотал мне в лицо и рванул меня вперед, словно увлекая в какой-то бешеный танец.

На миг у меня закружилась голова, так как от моего спутника пахнуло на меня крепкими, но неприятными духами. Однако тотчас же Дьявол выпустил мою руку. Мы были уже не на земле. Мы были в неизвестном мне мире.

Небо над нами было радужное. Оно словно ежеминутно вспыхивало багровыми молниями, цвет которых затем переливался во все краски спектра. Казалось, что вся вселенная - один гигантский фейерверк или один сплошной пожар.

- Не пугайся, - сказал мне Дьявол, хохоча, - уже потому не пугайся, что у тебя нет твоих телесных органов. Это не оттого, чтобы мне трудно было перенести сюда твой земной состав, - мне это столь же легко, как вытолкнуть тебя за дверь. Но твои телесные органы не приспособлены к здешней атмосфере и здешнему свету. Вот отчего я предпочел взять сюда твой астральный образ. А тело твое, словно труп, лежит на полу в твоей комнате, от которой отделяет нас такое количество миль, какое ты все равно не сможешь представить.

Я огляделся.

Вся почва кругом поросла растениями. Но они тихо двигались. То были оранжевого цвета стебли, толщиной в человеческую руку, прикрепленные корнем к почве, - с узкими, едва развитыми, чешуйками, вроде листьев, но с большой округлой шапкой, заканчивавшей их, словно чашечка Цветка. Эта чашечка была увенчана, тоже едва развитыми, лепестками, между которыми на месте, где можно было ожидать тычинок, тускло отражало лучи некоторое подобие глаза. И море этих оранжевых, длинных, зрячих стеблей медленно извивалось, вытягивалось, подымалось и опускалось, зыблемое словно не ощутимым для меня ветром.

- Они не видят нас, - сказал мне Дьявол, - пойдем.

Мы понеслись в легком полете по воздуху. Образ моего спутника был теперь иным: он похож был на мечту о прекрасном Люцифере, и над его ликом падшего серафима слабо светился венец из неярких алмазов. Живые растения с дрожью вытягивались под нами, смутно ощущая веянье наших астральных тел.

Был уже вечер, и ярко-красный диск солнца лежал на горизонте, вонзая ослепительные лучи, переливавшиеся всеми цветами радуги, в медленно меркнувший небосклон. Потом огненный круг канул за черту кругозора, и в небе началась новая пляска всех красок и всех оттенков, пьяные игры пылающих, разноцветных, меняющихся хамелеонов и саламандр. Еще немного позже взошли четыре луны: голубая, зеленая, желтая и фиолетовая, и их лучи, перекрещиваясь, протянули потоки спокойного света через все еще воспламеняющиеся отблески дня.

Заметив, что я занят картинами неба, Дьявол сказал мне самодовольно:

- Однако ты изумлен довольно. *Così ti circondasse luce viva*, как говорит ваш поэт. Но посмотри вниз: здесь наступила пора любви.

Я сделал вид, что не замечаю искажения в цитате из "Рая", и действительно опустил взоры. Охваченные страстным томлением, живые стебли теперь влачили один к другому, соединяясь в группы по три, и глаза их под магическим светом четырех разноцветных лун ожили и замерцали огнем